

ТИМУР ГАЙДАР –

СЫН ГАЙДАРА И ОТЕЦ ГАЙДАРА

Предлагаем вашему вниманию отрывок из книги В.А.Александрова «Кронпринцы в роли оруженосцев. Записки спичрайтера».

1. Ариадна Павловна Бажова-Гайдар, Тимур Аркадьевич, Егор Тимурович и сын Егора Петр

2. Аркадий Гайдар, Гражданская война

3. Последняя фотография Аркадия Гайдара

Грустно думать, что по нынешним быстрходным меркам его уже давно нет. Тимур Гайдар среди многих завещаний, которые оставил своими поступками, мыслями, переживаниями, главным сделал чувство товарищества, романтической близости людей, породненных не обязательно всеми чертами характера, а одной-двумя, и среди них обязательно порядочностью.

Когда-то поэт Григорий Поженян сказал о нем: «Праздничный мой друг». Я не соглашусь с этим. Тимур был товарищем и другом не только в пору праздничного застолья. Его не нужно было звать, чтобы он разделил минуту скорби и горьких переживаний. В таком случае он не ждал приглашений. Слово участия, сочувствия, поддержки многого стоит, помогая людям обрести уверенность в себе, а то и веру в жизнь. Рядом с ним находили уют люди с нелегкой, подчас перебитой судьбой.

Припоминаю, как встретил в кругу друзей, собравшихся на его 50-летие в декабре 1977 года, в прошлом яркого журналиста и общественного деятеля Лена Карпинского. К тому времени Лен не только был изгнан из печати за статью с критикой цензурных порядков в искусстве, но и вообще лишился партбилета и работы по обвинению в причастности к диссидентской деятельности. Он сидел, забившись в дальний угол комнаты, казалось, стеснялся своей внутренней подавленности, затертости вида и поношенности наряда.

Без нарочитого внимания, но в порядке светского общения Тимур подводил к Лену Карпинскому других гостей, которые могли бы если не помочь, то приободрить этого теряющего веру в себя талантливого человека. Через какое-то время Лен будто преобразился, распрямилась спина, взгляд оторвался от пола, он включился в общий разговор. Тимур Гайдар всю жизнь прослужил военным, часто ходил в военно-морской форме, с погонами, на моей памяти, от капитана второго ранга до вице-адмирала. Привязанностью к морю гордился; как лобой «морской волк», любил подержать в руке трубку. Но как курильщик в основном смолит сигареты. Эта двойственность оказалась символичной. Будучи военным по профессии, он по натуре сформировался не просто гражданским, но и по-интеллигентски мягким человеком, склонным к либеральным подходам и абсолютно чуждым той железобетонной позиции, которой придерживалась в идеологических и военных вопросах газета «Правда», где он прошел путь от собкора до военного редактора.

Публицистика Тимура была лиричной, с очевидными красками романтичности, которую он унаследовал от своего отца Аркадия Петровича Голикова, оставшегося в истории под псевдонимом Аркадия Гайдара. Даже когда Тимур выезжал как военный корреспондент на места боевых действий от Кубы до Афганистана, то в центре репортажей оказывались не сражения, а люди, их истории полны героики и трагизма.

Мне довелось познакомиться с Тимуром и сразу же близко сойтись в 1968 году, когда я вместе с делегацией партработников КПСС во главе с секретарем ЦК И.В.Капитоновым находился в Югославии. Секретари обкомов, составлявшие костяк делегации, с рвением выискивали в югославском опыте враждебные КПСС и марксизму-ленинизму, а значит, всему социалистическому миру черты. Подключение Тимура Гайдара, работавшего тогда собкором «Правды» в Югославии, к делегации помогало как-то противостоять кондовым, почти сталинистским оценкам советскими партияцами югославской ситуации.

Тимур убежденно, но в мягкой манере, оперируя конкретными фактами, показывал гостям, что особенности политики Югославии отражают специфику ее истории, стремление упрочить свои позиции в Европе и ни в коем случае не нацелены на нанесение ущерба СССР.

Эта делегация предваряла планировавшийся визит Брежнева в Югославию, и от ее выводов зависели возможности сдвигов в наших отношениях. Но состав делегации предполагал скорее негативные выводы, чем позитивные. Поэтому я предложил, а Тимур принял предложение приехать с делегацией в Москву и участвовать в подготовке отчета о поездке. К сожалению, последовавшее вскоре обострение обстановки в Европе из-за Чехословацкого кризиса затормозило развитие советско-югославских отношений.

Надо признать, что ни одна публикация Тимура Гайдара из Белграда не играла на руку противникам улучшения наших связей с Югославией. Он умел находить такие сюжеты, которые пополюбили копилку взаимной дружбы и в то же время не позволяли держимордам от идеологии выставлять против них цензорские рогадки.

Если бы на месте Гайдара был какой-нибудь журналист, лишенный его чувства гражданской ответственности и понимания ценности добрых связей наших стран, он мог бы накопать много грязи в угоду царившим в советской пропаганде догматизму и ксенофобии.

Когда через три года я уходил из ЦК КПСС с некоторым повышением в Совет министров Российской Федерации, руководитель нашей консультантской группы Саша Бовин сказал: «То, что ты уходишь, понятно, человек всегда ищет, где рыба, но кто мог бы работать на этом месте?» Я ответил без колебаний: «Тимур Гайдар».

Эта кандидатура была согласована с заведующим отделом социалистических стран, секретарем ЦК КПСС К.Ф.Катушевым, и мне было поручено передать Тимурову приглашение на новую работу во время моей поездки в Югославию в числе сопровождающих Л.И.Брежнева в октябре 1971 года. Посоветовавшись со своей женой Ридой, Тимур принял предложение. Состоялся перевод Гайдара из редакции газеты «Правда» в аппарат ЦК КПСС. Он приступил к работе, расположившись в оставленном мною ему в наследство кабинете.

И вдруг случилось событие из ряда вон выходящее. Это как убегающий с поля боя враг стреляет не глядя, а пуля-дура может найти свою жертву. Не прошло и двух недель работы Тимура в аппарате ЦК КПСС, как без уведомления его непосредственного руководителя Бовина Гайдару объявили, что переход с одной работы на другую отменяется и он возвращается в редакцию «Правды». И никаких объяснений.

Только через какое-то время стала понятна логика происшествия. При назначении в ЦК КПСС в то время согласие КГБ уже не запрашивалось. С этим было покончено еще во времена Хрущева. Но постфактум КГБ информировали о кадровых назначениях. И если в КГБ был запас компрометирующей грязи, он преподносился в один адрес – М.А.Суслову. Сидевшие в белградской резидентуре КГБ сторонники жесткой сталинской линии в отношении Тито и югославской модели социализма накопили пригоршню непроверяемых и непроверяемых сведений, вроде того: один из наших проверенных друзей во влиятельной югославской газете сказал, что Гайдар ни в грош не ставит советский опыт, полагая, что Югославия идет давно впереди Советского Союза.

Камень попал в цель. Суслов вынес вердикт: человеку с такими взглядами не место в аппарате ЦК КПСС. И не имеет никакого значения, что слова навета ничем не подтверждены. То ли места в «Правде» не оказалось, то ли это была отговорка, но Тимур на какое-

то время оказался без работы. Слава богу, в «Правде» руководство было человечнее. Наветы, как не имеющие доказательств, отвергли; Тимура назначили сначала заместителем редактора по военному отделу, затем редактором, а через какое-то время он получил и редкое для военного журналиста генеральское звание, выраженное в военноморской форме, – контр-адмирала.

Как многие дети «больших родителей», Тимур, мне кажется, немало комплексовал, опасаясь, как бы внимание и

честь, отдаваемые ему, не адресовались на самом деле Аркадию Гайдару. Тому же способствовали и нелепые шутки не всегда тактичных окружающих, особенно обыгрывавших название повести «Тимур и его команда».

По этой же причине он долгие годы не решался писать ни воспоминаний, ни очерков об отце. Наверное, не я один убеждал его в необходимости сесть за этот труд. Также я был убежден, что воспоминания его жены, Ариадны Павловны Бажовой, о ее отце, замечательном сказочнике Павле Бажове, авторе «Малахитовой шкатулки», нужны и современникам, и потомкам.

Оба они, став уже безукоризненно самостоятельными фигурами (Тимур – в журналистике, Рида – в исторической науке), опубликовали согретье памятью и любовью к своим отцам, классикам русской литературы, одновременно мемуарные и исследовательские работы.

Пройдут годы, новые поколения литературоведов найдут потерявшиеся в истории факты, но то, что могли сказать сын Гайдара и дочь Бажова, не заменит никто.

Хотим мы того или нет, но фамилии именитых предков остаются наследственным капиталом, передаваемым из поколения в поколение. Мне кажется, что Б.Н.Ельцин не случайно выбрал из трех групп, готовивших проекты экономических преобразований, самую оторванную от практики команду Егора Гайдара. И это произошло не из-за того, что в детстве Ельцин читал повести Аркадия Гайдара, а скорее по другой памяти. Как первый секретарь Свердловского обкома партии, Борис Николаевич участвовал в открытии дома-музея Бажова в Свердловске. Там он и познакомился с дочерью уральского сказочника, узнал о родстве двух писательских фамилий. Да и будучи потом в Москве первым секретарем горкома КПСС, он имел возможность добрым участием помочь семье Гайдара, конкретно Егору

Гайдару, в решении одной бытовой проблемы. Еще когда Егор Гайдар работал в журнале «Коммунист», Борис Николаевич, откликнувшись на обращенную к нему просьбу, разрешил передать Егору квартиру скончавшейся бабушки. Убедительных юридических оснований у Егора не было, но Ельцин понял, что стоило сохранить родовое гнездо за внуком замечательного советского писателя, к тому же оказавшимся внуком ельцинского земляка Павла Бажова. Добрые дела не забываются ни теми, к кому они обращены, ни теми, кто их совершает. Симпатию вызывает человек, которому мы оказываем помощь, тем более если она нам ничего не стоит.

Отношение Тимура Гайдара к своему сыну Егору было трепетным. В отрочестве он называл его ласково – Егорушка. Да и сын иначе как «мамуленька» и «папуленька» родителей не называл. Они стремились, чтобы к поступлению в вуз Егор подошел максимально подготовленным, особенно в отношении английского языка, без чего уже нельзя было рассчитывать на служебный успех.

Тимур, конечно, надеялся, что сын выберет специальность поближе к роду деятельности отца и дедов, но Егор сам ориентировался на более рациональную сферу деятельности – экономику, первоначально – экономическую географию. Первые же публикации Егора были отмечены глубиной познаний и широтой привлекаемого сравнительного материала. В разговорах по телефону, при встречах Тимур неизменно интересовался: «Ты видел в «Коммунисте» статью Егора, каков?»

В период раздорности общественного мнения в середине 80-х годов статьи Егора Гайдара отличались поиском новых путей, обеспечивающих развитие социализма.

Взлет Егора Гайдара к вершинам власти и реформаторства в России стал для Тимура естественным предметом гордости и новых переживаний. Он не принимал никакой критики в адрес провозглашенной Егором политики реформ. Вместе с тем он видел общественное отстранение от начатого Егором курса шоковых преобразований, а следовательно, и от автора этого пути.

Однажды в разговоре я сказал, что хорошо бы Егор проявил хотя бы в речах понимание тех тяжестей, которые обрушились на народ, чтобы не было похоже на подобие сталинского подхода: лес рубят – щепки летят. Людям нужно хотя бы сострадание к ним.

Тимур ответил, что это невозможно. Он обращал внимание сына на то, что стоит показать себя ближе к людям и их невзгодам. Егор ответил, что это было бы для него неестественно, он не может искусственно подлаживаться под переживания, терпеть не может демагогии и кривления души.

На какое-то время у нас с Тимуром прервались отношения. Выслушивать какую-то критику в адрес политики реформ он был не в состоянии. А разговаривать в начале 90-х годов, абстрагируясь от тяжести всеобщего бытия в России, было невозможно.

Конечно, Егор не хотел ни разрушать экономику, ни разорять людей, он даже обещал снижение курса доллара к рублю. Скорее всего, и от всей экономики и социальной политики социализма он не предполагал отказываться. Просто, упрощенно подойдя к развязыванию разрушительных процессов, он не сумел удержать ситуацию под контролем. Думаю, что таких капиталов, которыми обзавелись оказавшиеся рядом с ним ловкачи, он не нашёл. Скорее всего, он начал дело, к которому не был готов, оказался в кругу людей, которые вер-

тели им по своему усмотрению. Ему бы надо было, как он сначала и полагал, уйти через полгода с капитанского мостика. Но он и этого не сумел сделать. В результате его политика была обречена на негативное восприятие большинством населения.

Как-то году в 95-м, когда я работал в журнале «Международная жизнь», позвонил Тимуру и предложил выступить в том издании на любую тему. Тимур к тому времени нигде не работал и, как большинство профессионально пишущих людей, должно быть, вынашивал какие-нибудь литературные или публицистические сюжеты. Чтобы мое предложение не было абстрактным, я назвал несколько тем, касавшихся прошлой журналистской практики Тимура: Куба и ее соседи, Югославия и Балканы, офицерская жизнь и воинская честь, Афганистан. Тимур откликнулся первоначально живо, обещал подумать и перезвонить. Через какое-то время сказал, что он отстал от современных взглядов на прошлые сюжеты, а за что-то новое браться не хочет. Условились, что вернемся к

поискам стыковки интересов позже.

В 1999 году, когда я стал работать в менее политизированном и более светском журнале «VIP-Premier», редакция решила опубликовать серию материалов о разного рода увлечениях: об экстремальном спорте, о путешествиях, о собирании коллекций. В этом же ряду я предложил Тимуру написать эссе о том, что такое трубка для заядлого курильщика и любителя хорошего табака. Тимур мог бы это написать очень красиво, с детальным показом атрибутики курильщика трубки и вскрытием тайнств удовольствия, получаемого от хорошей трубки.

Тимур зажегся идеей. Мы стали

говорить о возможных иллюстрациях, о сроках работы. Условились созвониться еще раз. Не дождавшись ответа, я позвонил ему вновь. Услышал неожиданные соображения. «Знаешь, – сказал Тимур, – почему-то так получается, что все, что бы и где бы я ни сказал, оборачивается какими-то ловкачами от журналистики против Егора. Уверен, что даже рассказ о курении трубки вывернут так, будто я воспеваю сталинизм, ведь все знают, что Сталин курил трубку, и это же припишут Егору. Мы с Ридой обсудили все и решили нигде не выступать, чтобы не дать никакого повода использовать наши слова во вред Егору».

Подход Тимура, да еще подкрепляемый ссылкой на Риду, был ясен, понятен и не предполагал переубеждения. Так, мне кажется, вторично, но уже в иной взаимосвязи отца и сына, проявилось чувство самоотречения человека, накрытого тенью авторитета самого дорогого лица.

Когда через несколько лет хоронили Тимура Аркадьевича Гайдара, в траурном зале Центральной клинической больницы собралось много народа. Друзья, писатели, журналисты воздавали дань уважения таланту, душевному благородству и другим добрым качествам Тимура. Официальные лица, а их было немало, выражали преимущественно сочувствие его сыну, стремясь при этом к тому, чтобы Егор Тимурович запомнил их к нему расположение.

Людская слава, память и известность изменчивы. Мне бы хотелось, чтобы из поколения в поколение жили добрые притчи Аркадия Гайдара, чтобы продлилась жизнь согретых теплом сердца репортажей и книг Тимура Гайдара и чтобы поскорее сошла с России тень разрушительных реформ, связанных с именем Егора Гайдара. ■

Аркадий Гайдар погиб в партизанском отряде в октябре 1941 года. Спустя 22 года его сыну, тогда капитану второго ранга и спецкору газеты «Правда», Тимуру Гайдару и внуку Егору (на снимке слева) была вручена награда отца и деда – орден Отечественной войны I-й степени. Вручал орден зампред Совмина СССР Анастас Микоян (на снимке в центре)